

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие: Путь сложности Эдгара Морена	
Альфонсо Монтуори.....	7.
1. Слепой интеллект.....	79
Начиная сознавать.....	80
Патология познания, слепой интеллект.....	82
Необходимость в сложностном мышлении.....	86
2. Сложностный паттерн и дизайн.....	89
Индо-Америка.....	91
Теория систем.....	92
Открытые системы.....	94
Информация/Организация.....	98
Организация.....	102
Самоорганизация.....	105
Сложностность.....	110
Субъект и объект.....	115
Согласованность и эпистемологическое открытие.....	124
Scienza Nuova.....	129
За единство науки.....	131
Интеграция реальностей, изгнанных классической наукой.....	133
За пределами классической альтернативы или/или.....	135
Парадигматический поворотный пункт.....	136
3. Парадигма сложности.....	140
Парадигма простоты.....	142
Порядок и беспорядок во Вселенной.....	145
Самоорганизация.....	150
Автономия.....	152
Сложностность и полнота.....	154
Разум, рациональность и рационализация.....	156
Необходимость макро-концептов.....	160
Три принципа.....	160
На пути к сложности.....	165

4. Сложность и действие	167
Действие — это также пари.....	168
Действие избегает наших намерений.....	170
Нетривиальная машина.....	171
Подготовка к неожиданному.....	172
5. Сложность и Предприятие	174
Три причины.....	176
От самоорганизации к само-эко-организации.....	178
Жить и иметь дело с беспорядком.....	179
Стратегия, программа и организация.....	181
Дополнительные и антагонистические отношения.....	183
Необходимость живой солидарности.....	185
6. О понятии субъекта	187
7. Эпистемология сложности	213
Приложение 1: Концепт системы	242
1. По ту сторону холизма и редукционизма: реляционный цикл.....	243
2. Целое — не все.....	246
3. По ту сторону формализма и реализма: от physis к пониманию, от понимания к physis — субъектная система и объектная система.....	250
Ссылки.....	258
Приложение 2: Новая наука об автономии	260
Сноски.....	269
Кое-что о сложности.	
Послесловие переводчика и редактора	273

Предисловие

ПУТЬ СЛОЖНОСТИ ЭДГАРА МОРЕНА

Альфонсо Монтуори

Реформа мышления — ключевая антропологическая и историческая проблема. Она подразумевает ментальную революцию значительно больших масштабов, чем революция Коперника. Никогда прежде в истории человечества ответственность за мышление не оказывала на нас столь сокрушительного влияния.

Эдгар Морен

Разве знание о том, что знание не может быть гарантировано неким основанием, не означает, что мы уже обрели первое фундаментальное знание? И не должно ли это привести нас к отказу от архитектурной метафоры, где термин «основание» приобретает совершенно однозначный смысл [meaning], в пользу музыкальной метафоры конструирования в движении — конструирования, которое трансформирует в самом своем движении формирующие его составные элементы? И не могли бы мы также рассматривать знание знания как некую конструкцию в движении?

Эдгар Морен

Нам нужен тип мышления, который воссоединяет то, что разъединено и разобщено, который уважает разнообразие, поскольку он признает единство, и который пытается различать взаимозависимости. Мы нуждаемся в радикальном мышлении (которое добирается до корня проблем), в многомерном мышлении и в организационном или системном мышлении.

Эдгар Морен

История не доходит до застоя и не марширует триумфально к лучезарному будущему. Она катапультируется в неизведанную авантюру.

Эдгар Морен

ЭДГАР МОРЕН: БИБЛИО-БИОГРАФИЯ

Возможно, лучший способ обеспечить контекстное введение в работу Морена — это набросать его интеллектуальную траекторию в форме «библио-биографии». Я полагаю, что предлагаемый в данном эссе обзор путешествия Морена поможет нам лучше понять этого человека и его миссию.

Влияние трудов Эдгара Морена в Европе, Латинской Америке и франкоязычной Африке огромно. Во Франции, Испании, Италии, Бразилии, Канаде и Англии написано немало монографий, посвященных его творчеству (Anselmo, 2005, 2006; Bianchi, 2001; Fages, 1980; Fortin, 2002; Kofman, 1996; Rosetto Ajello, 2003). Возможно, степень такого влияния в самых разных и весьма удаленных [исследовательских] областях превышает даже влияние Грегори Бейтсона. Являясь Заслуженным Руководителем Исследованиями в CNRS (Французский Национальный Исследовательский Центр), Морен получил почетные докторские степени (по предметам, начиная с политологии вплоть до психологии и социологии, соответственно) в университетах, включая Мессину, Женеву, Милан, Ла-Пас, Оденсе, Перуджу Козенца, Палермо, Нуэво Леон (Мексика), Брюссель, Валенсию, Католический университет Порту-Алегри и Федеральный университет в Рио-Гранди-ду-Норти, и среди прочего он также возглавляет кафедру ЮНЕСКО Сложностное Мышление. Следы влияния Морена можно найти в таких областях, как медиа-исследования, визуальная антропология, *cinéma vérité*^{*}, философия, исследование поступка в

* *Cinéma vérité* (фр. *cinéma vérité* букв. «правдивое кино») — термин, обозначающий экспериментальное направление, первоначально сформировавшееся в кинодокументалистике Франции, связанное с обновлением выразительных и повествовательных возмож-

социологии, теория систем, экология и образование, а в последнее время все чаще и чаще в точных естественных науках. Просто для того, чтобы дать хотя бы небольшое представление о степени его влияния на англоязычную аудиторию, где его работы относительно мало известны, укажем, что он цитируется такими разными ученым, как историк религии Мирча Элиаде (Eliade, 1978), социолог Льюис Козер (Coser, 1997), психоаналитик Андре Грин (Green, 2005), физик Басараб Николеску (Nicolescu, 1997), философ Юлия Кристева (Кристева, 1997), историк Даниел Джозеф Бурстин (Boorstin, 1992), философы науки Джанлука Бокки и Мауро Керути (Bocchi & Ceruti, 2002), исламский ученый и марокканский имам Абдессалам Яссин (Yassine, 2000), математик Уильям Байерс (Byers, 2007), мексиканский нобелевский лауреат по литературе Октавио Пас (Paz, 1986), Иан Чамберс — английский ученый в области культурологии и постколониальных исследований (Chambers, 1994) — и терапевт-философ Пол Ватцлавик (Watzlawick, 1977).

Как пишет Кофман в своей книге о Морене для серии «Плутон Пресс [Pluto Press]» о *Современных Европейских Мыслителях*,

Подход Морена пребывает в гармонии с новой культурой неопределенности, как, например, в литературных и философских трудах Деррида, Левинаса или Делеза. Но, в отличие от своих попутчиков, Морен был единственным, кто осмелился опробовать метод, соединяющий науки и философию через сложность. Сегодня во французской интеллектуальной жизни Морен является лидером, но все еще аутсайдером (Kofman, 1996).

ностей кинематографа; метод съёмок, основанный на развёрнутых интервью и наблюдениях за реальными или искусственно провоцируемыми ситуациями. — Прим. пер.

21-й век увидел несколько исследовательских центров, посвященных работе Морена, в том числе один в Мессинском университете на Сицилии, и, особенно, торжественное открытие *Мультиверсидада Реального Мира Эдгара Морена* [*Multiversidad Mundo Real Edgar Morin*] — университет в Эрмосильо (Сонора) в Мексике, — основанного на принципах, заимствованных из работ Морена.

Книги Морена посвящены столь разнообразным проблемам, что прежде нужно каталогизировать некоторые из них, сделать, по крайней мере, небольшую подборку примерно из 60 опубликованных им книг, чтобы составить представление о масштабах его работы. Тогда мы сможем хотя бы чуть-чуть увидеть «путь, проложенный при ходьбе», и распознать нити, связывающие большую часть работ Морена.

Для успешного введения в труды Морена на английском языке мы отсылаем читателя к книге Кофмана (1996) *Эдгар Морен: От старшего брата к братству* [*Edgar Morin: From Big Brother to Fraternity*] в серии «Плутон Пресс» *Современные Европейские Мыслители*. Кофман особенно удобен для понимания исторического контекста и опытов Морена с гегельянством и марксизмом. С учетом небольшого объема данного эссе и обширности опыта Морена я обращаюсь к работе Кофмана, посвященной обсуждению этого увлекательного периода и его влияния на мысль Морена. Книга *Родная Земля* [*Home-land Earth*] Морена является доступным введением в его социально-политическую и моральную мысль.

Начала ...

Первой книгой Морена стала *Нулевой Год Германии* [*L'An Zero de l'Allemagne*], написанная сразу после окончания Второй мировой войны, когда Морен, которому тогда было чуть больше 20-ти лет, находился в Германии вместе с французской армией. *Нулевой Год Германии* — его попытка документировать разруху одной из самых утонченных и культурных стран Европы — родины Гете, Бетховена, Канта и других выдающихся деятелей западной цивилизации. Она являла собой попытку понять, как такая страна могла погрузиться в кошмар нацистской эпохи. Центральное место в книге занимает не желание Морена сводить Германию и немцев к «продажным бошам» (мерзким немцам), но стремление оценить ужас ситуации в широком контексте и с необычайной глубиной чувств. Здесь мы уже находим краеугольный камень того, что Морен — борец еврейского сопротивления, в годы войны живший в смертельной опасности, — позже назвал бы *сложностным мышлением*, своим отказом редуцировать и тем самым искажать. Короче, сложностное мышление не редуцирует и не поляризует. Морен не хочет сводить Германию и ее народ к действиям нацистов, что сразу после войны слишком легко было сделать. Этот отказ от редуционистской — скажем, манихейской, — упрощенной точки зрения (точки зрения, которая часто руководствуется страхом, гневом и другими эмоциями, но не редко маскируется под холодную рациональность), является центральным элементом мысли Морена.

В наши дни термин *редуционизм* используется весьма, может даже чрезмерно, часто. У Морена редуционизм не какая-то теоретическая абстракция, не форма навешивания ярлыков. Напротив, благодаря Морену,

он возникает из экзистенциальной реальности повседневной жизни и воплощается в ней. Позиция Морена проявляется в нежелании занять редуccionистскую позицию по отношению к немецкому народу. Он отказывается уравнивать немцев и Германию только с нацистами и Холокостом. Было бы слишком легко сказать, что унижение евреев в Германии оправдывает такое же унижение немцев — как «чистое зло» — или нечто похожее. Но Морен настаивает на том, чтобы рассматривать немцев во всей их сложности. Он исследует, почему и как, учитывая сложность немецкого народа, тот стал жертвой нацистского бедствия. И самое главное, он всегда напоминает нам, что, будучи людьми, мы все уязвимы перед моментами безумия. Морен напоминает нам, что дуализм «добро против зла» слишком легко приводит нас к мысли, что «они» являются «злом», а «мы» — по определению — «добром», и потому все, что делаем мы, также — по определению — является добрым и законным. Ключевым здесь является то, что вера в «нашу» врожденную доброту сопровождается отсутствием само-рефлексии и само-критики, обычно с разрушительными результатами. Участие наблюдателя в каждом наблюдении, роль само-рефлексии и само-исследования в исследовании, опасность редуccionии и дизъюнкции, а также часто скрытые мотивы, задающие стремление к определенности, будут центральными и повторяющимися темами во всем творчестве Морена. Как пишет Сельвини Палаццоли (Selvini Palazzoli, 1990):

Поскольку в отношениях между наблюдающей системой и наблюдаемой системой наблюдатель является такой же частью наблюдаемой системы, как и наблюдаемая система является частью интеллекта и культуры наблюдающей системы, Морен обнаруживает, что

наблюдатель наблюдает сам себя, пока он наблюдает систему. (стр. 128)

Другая тема самых ранних работ Морена, которая позже возникнет в 2000 году в дебатах с Жаком Деррида на страницах *Le Monde*, — это настойчивое требование Морена касательно жизненной важности прощения. Для Деррида прощение должно быть исключением, на грани невозможного. Для Морена прощение является сопротивлением жестокости мира — таково название его ответа Деррида (Morin, February 2000). Еще раз, прощение включает в себя именно отказ увековечить те самые отношения, которые провоцируют конфликт и продолжают цикл насилия и ненависти. Прощение — это то, что выводит нас за рамки упрощенного, дуалистического мышления и ведет к *политике цивилизации* (Morin & r Nair, 1997). Для Морена прощение — это добродетель, которую мы должны культивировать, даже когда кажется, что ненавидеть легче и непосредственнее.

Следовало бы отметить, что работа Морена ни в коем случае не является слащавой или полианнашской*, лишенной реализма и не основанной на осознании реального зла, причиняемого людьми друг другу. Действительно, в своей популярной книге *Родная Земля* (Morin & Kern, 1999) он говорит о «Евангелии Рока», где признается наша судьба и нам предлагается взглянуть ей в лицо, расценив это как приглашение к человеческой солидарности, чтобы собраться вместе, осознать, что все мы в одной экзистенциальной лодке. У Морена мы находим зрелое сострадание, возникшее благодаря

* Слово, производное от имени Полианна — героини романа-бестселлера американской писательницы Элинор Портер «Полианна». Миссия Полианны состоит в том, чтобы учить окружающих играть «в радость». — Прим. пер.

тому, что он испытал на собственном опыте как борец сопротивления и гражданин Франции, испытал ужас, обрушившийся на его собственную страну и на остальную Европу. Нежелание Морена демонизировать можно было бы рассматривать как «тенденциозное» нежелание противостоять суровым жизненным реалиям и встать на позицию «дружелюбной слабости». Нет ничего более далекого от истины. На самом деле, точка зрения Морена состоит в том, что цикл ужасов и насилия будет увековечен именно потому, что мы демонизируем других и не желаем прощать, не желаем признать ту степень, в какой все мы, как люди, способны к крайне обширному диапазону поведения. Бесспорная вера в собственную «доброту» может привести, благодаря процессу, который Юнг назвал «энантиодромией»^{*}, к совпадению противоположностей, когда сами действия, предпринимаемые для борьбы с врагом, создают условия, обеспечивающие победу врага. Когда, например, демократическая страна, борющаяся с тоталитарным режимом, прибегает к таким радикальным драконовским действиям, что она фактически разрушает те самые демократические принципы, которые якобы пытается защитить.

Когда Морен осознал степень нашей человеческой способности любить и ненавидеть, наш ум и нашу глупость, он изрядно увлекся некоторыми аспектами буддизма. Его мудрость и сострадание исходят из того,

* Предрасположенность любых поляризованных феноменов или явлений переходить в собственную противоположность. Юнг признавал неизбежности энантиодромических изменений, что помогало ему предвидеть психические изменения. Он также полагал возможность установления связи с энантиодромическими изменениями, которая составляет, по его мнению, сущность сознания. Если сознательную жизнь определяет какая-то крайне односторонняя тенденция, то через некоторое время в психическом возникает равная по мощи контрпозиция. — *Прим. пер.*

что он глубоко рассмотрел и глубоко прочувствовал изнутри и снаружи. Как писал выдающийся социолог Ален Турен, цитируя Теренция Афру, можно сказать, что Морену, более чем кому-либо из мыслителей нашей эпохи, ничто человеческое не чуждо (Touraine, 2001). Это включает, например, признание того, что ужасные действия простых немецких граждан совершались не исключительно злыми монстрами, а обычными человеческими существами. Последующие исследования в социальной психологии, от Милгрэма до Зимбардо, также показали, как «давление ситуации» может превратить образованных граждан в нацистских убийц. «Милые» стэнфордские студенты могли в экспериментальной обстановке несколько часов обращаться с «заключенными» — своими сокурсниками — почти так же, как иные военнослужащие в чрезвычайно стрессовых и исключительных условиях обращались с заключенными, которые, как они полагали, в случае освобождения не будут дважды размышлять об их убийстве. Особый дар Морена состоит в том, чтобы показать нам, как, но по милости Божьей, у всех нас идут дела.

Первая книга Морена вдохновила Роберто Росселлини на создание классического итальянского неореалистического фильма *Германия, Год Нулевой* [*Germania Anno Zero*]. Морен поддерживает постоянные отношения взаимовлияния с искусством и художниками по всему миру. Это другой аспект его работы, делающий его столь уникальным в зачастую скучном и изолированном мире социальных наук. Примерами могут служить восхитительные размышления Морена о *Нью-Йорке*, сотрудничество с голландским визуальным художником Карелом Аппелем (Morin & Appel, 1984) и его влияние, среди прочего, на великого бразильского автора песен Каэтану Велозу, который явным образом обсуждает

важность работы Морена для своего художественного видения и для бразильского сопротивления авторитарному правительству (Veloso, 2003), а также отношения Морена с такими фигурами, как писательница Маргерит Дюрас. Совсем недавно мы увидели публикацию Пьера де Вальомброза *Народы* — книгу фотографий народов со всего мира с комментариями Морена (de Vallombreuse & Morin, 2006).

Следующей работой Морена была книга *Человек и смерть* [*L'Homme et la Mort*] (1951). Здесь мы находим, в типично мореновской манере, долгие размышления о смерти, которые являются как глубоко личностными, так и планетарными, как *голографическими*, так и *многомерными*, если использовать термины, употребляемые впоследствии Мореном. Такие размышления — личностные потому, что в раннем возрасте Морен потерял мать, и это событие сильно повлияло на него. Оно пронизывает его творчество настолько по-разному, что рассмотреть его влияние в данном кратком эссе не представляется возможным. Вдумчивое обсуждение той роли, какую сыграла смерть матери Морена в его жизни, можно найти во введении Хайнца Вайнмана к сборнику сочинений Морена под названием *Сложность человека* [*La Complexity Humaine*] (Morin, 1994b). Работа Морена по своему масштабу планетарна, ибо он кросс-культурно исследует смерть в великих религиях и духовных традициях на протяжении всей истории человечества, а также в науках, обнаруживая, что множество интерпретативных рамок, каждая по-своему, проливают свет на это самое, можно сказать, главное событие. Работа Морена всегда обладала таким голографическим, многомерным качеством: часть и целое всегда взаимосвязаны, и мы находим часть в целом, а целое в части; и к данной теме он подходит с точки зрения самых разных измерений —

от биологического до культурного, до психологического и мифологического.

Подход Морена всегда был как планетарным, так и личностным. Позже мы находим замечательные примеры такого голографического метода в книге *Видал и его люди* [*Vidal et les Siens*] (Morin, 1996), которая, одновременно, является биографией его отца — Видала, — историей евреев-сефардов и историей Европы, а также в тексте *Вступая в двадцатый век* [*Pour Sortir du Ventiethme Siecle*] (Morin, 2004b), где Морен рассматривает ключевые политические проблемы посредством сочетания теоретических и исторических размышлений о положении дел в мире — размышлений, основанных на примерах из его собственного опыта.

Книга Морена о смерти объединяет две темы, которые будут повторяться на протяжении всего его творчества. Мотивы для исследования вытекают из личного опыта, особенно в связи со смертью матери, а не из абстрактных спекуляций или дисциплинарных ритуалов. Другой ключевой элемент в этой работе — трансдисциплинарность. Исследование Морена не ограничивается одной дисциплиной. Оно опирается на весь спектр *подходящих знаний* (Morin, 2001b). Другими словами, он не подходит к своей теме с точки зрения того, что в другом месте я назвал перспективой, *ведомой дисциплинами* (Montuori, 2005). Он не руководствуется решением проблем в контексте ритуала конкретной дисциплины. Скорее, он мотивирован собственным опытом — в данном случае утратой матери, — мотивирован необходимостью осмыслить живой человеческий опыт, свой опыт и опыт любого другого человека. Это центральный пункт, делающий видение Мореном трансдисциплинарности столь важным и столь своевременным: оно основывается вовсе не на попытках создать абстрактные теоретические рамки

или на продвижении ритуала новой дисциплины, а на необходимости найти знания, подходящие для стремления человека понять и осмыслить жизненный опыт и «большие вопросы», которые обычно не учитываются в академическом дискурсе именно потому, что они слишком сложны и трансдисциплинарны. Живой опыт просто не может быть удовлетворительно сведен к перспективе одной дисциплины.

Автокритика

Ранняя работа Морена о смерти показывает его готовность решать глубокие экзистенциальные проблемы, которые столь часто стираются в порой столь же бесплодном дискурсе социальной науки и философии. Эта экзистенциальная живость, эта основа живого опыта реалий существования присутствует в работе Морена, обсуждает ли он кибернетику, кино, самоорганизацию, экологию, политику или образование. Работа Морена основана не на попытке укрыться от жизни в башне из слоновой кости или в контролировании жизни с помощью замысловатых теоретических рамок и карт, а на усилении глубже погрузиться в нее и предоставить науке инструменты, позволяющие более адекватно объяснить ее буйно растущую сложность, и действительно помочь читателю в таком процессе погружения. Морен характеризует свою более позднюю работу над сложным мышлением как попытку развить метод, который не «калечит», который не фрагментирует и не абстрагирует, который не наносит вред жизни тем, что дает одномерную, анемичную, антисептическую, гомогенизированную *pars pro toto**. Этот трансдисциплинарный подход

* Часть вместо целого (лат.) — прим. пер.

позже можно увидеть в журнале *Аргументы*, который Морен возглавлял вместе с Роланом Бартом, Костасом Акселосом и другими с 1956 года по 1962 год. Широкий спектр тем, рассматриваемых в журнале, акцентируется скорее на проблемах, чем на дисциплинарных ритуалах и стремится к более широкому и перспективно удаленному охвату.

После Второй мировой войны влияние Левых и коммунистической партии в европейской мысли было огромным. Имелись крайне четкие границы, с помощью которых можно было оценивать то, что считалось пребывающим вне линии партии. Независимая мысль Морена была явно трансгрессивной, и в *Автокритике* Морен (2004а) объясняет свое исключение из партии тем, что написал «неуместную» статью. *Автокритика* Морена — замечательный документ «заинтересованного» интеллектуала, борющегося со перипетиями политики и самообмана. Это модель честности и само-рефлексии, которая дает нам редкий обзор жизни и мыслей человека, находящегося в гуще событий, формировавших в то время европейскую и даже планетарную культуру: прежде всего приход к власти Сталина и репрессии в странах Восточного блока. Дрейк (2002) дает некий контекст. Он пишет, что Морен был «одним из немногих интеллектуалов КПФ (Коммунистической Партии Франции), которые отказались слепо следовать линии Партии» (р. 70). Исследуя такие явления, как самообман, когнитивный диссонанс, групповое мышление и авторитарное/тоталитарное мышление, а также поведение само по себе и поведение в «партии», мы находим еще одну тему, которая пронизывает всю будущую работу Морена. В своих *Семи Сложных Уроках, касающихся Образования для Будущего* [*7 Complex Lessons in Education for the Future*] (Morin, 2001b) — документе, который Морен

написал по просьбе ЮНЕСКО, — первый урок посвящен самообману и борьбе с «ошибками и иллюзиями». Как получается, что мы буквально становимся одержимы идеями, партией, нашей «верой», нашим «делом», даже тем, что, как мы считаем, является «наукой»?

Вся жизнь и работа отмечены Морена строгой независимостью суждений, столь характерной для творческих личностей (Barron. 1995). Это часто делало его непопулярным среди тех, кто нашел укрытие в теплых объятиях «внутригруппового» конформизма, среди тех, кто хочет протащить идеологическую линию и выстроить сильную иммунную защиту вокруг твердого ядра доктрины — ядра, которое не может быть оспорено (Morin, 1991). Морен никогда ничему не «принадлежал» в смысле отказа от своей собственной независимости, дабы обрести значительные льготы, предлагаемые теми, кто были «связанными» и «инсайдерами», будь то в форме издательских контрактов, интеллектуальных движений или, по иронии судьбы, в форме известности в Соединенных Штатах. В то время, как есть некие параллели между мыслью Морена и некоторыми французскими авторами, связываемыми в Соединенных Штатах с постмодернистским поворотом (и следовало бы отметить определенные острые и существенные различия), Морен никогда не ассоциировал себя с постмодернизмом — как движением и повальным интеллектуальным увлечением — и редко, если вообще когда-либо, использует этот термин. Французские авторы, тесно связанные с постмодернизмом, широко публиковались в Соединенных Штатах, в то время как авторы, считавшиеся основными фигурами во Франции, находились в стороне, поскольку их нельзя было отождествить с новым горячим трендом. Интересно отметить, что французская мысль нескольких последних десятилетий в Соединенных Штатах почти

исключительно ассоциируется с постмодернизмом. Во Франции, с другой стороны, постмодернизм считается в значительной степени англоязычным явлением (Journet, 2000).

В не говорящих по-английски странах, от Бразилии до Колумбии, Италии и Испании, а также, конечно же, в самой Франции, Морен был признан одним из самых значительных мыслителей нашего времени. Разрыв между англоязычным миром и остальной частью планеты удивителен, и многое говорит о неизбежно частичной природе любого понимания европейской интеллектуальной жизни, определяемого, как таковое, издателями, владением языками, отличными от английского (поскольку переводы сами по себе ставят целый ряд других вопросов, о чем свидетельствуют, например, весьма проблематичные английские переводы Пиаже), и другими проблемами.

Автокритика (Morin, 2004a) знаменует собой важный поворотный пункт для Морена. Обычно мы полагаем, что обладаем идеями; однако Морену стало ясно, что идеи могут обладать нами — буквально владеть нами. Люди могут быть буквально одержимы идеологиями и системами убеждений, будь то левыми или правыми, будь то в науке или в религии. Отныне усилия Морена будут состоять в том, чтобы развивать форму мышления — и форму бытия в мире, — которая всегда является само-рефлексивной и самокритичной, всегда открытой и творческой, всегда стремящейся бросить вызов фундаментальным допущениям, лежащим в основе системы мышления, и всегда внимательной к тому, каким образом, тайно или открыто, мы создаем неприкасаемые центры, которые нельзя подвергать сомнению или оспаривать. Знание всегда требует знания знания, постоянного исследования и вопрошания о том, как мы конструируем

знание. Действительно, *Знание Знания* — это заголовок третьего тома *Метода* Морена (Morin, 1986).

Социология и массовая культура

Когда Морен изучал столь важный предмет, как смерть, и занимался публичной политической «самокритикой» своего участия в Коммунистической партии, а также тем, как это голографически применимо к более широким проблемам, связанным с ролью идеологий и тоталитаризма, а также с участием в куда более обширной планетарной культуре, он начал писать серию книг о том, что изначально можно было бы принять за «легкую закуску». В середине и конце 1950-х и в начале 1960-х годов Морен писал новаторские работы о кино, звездной системе и популярной культуре. Некоторые из этих книг, первоначально изданные с середины 1950-х до начала 1960-х годов, были опубликованы или переизданы в Соединенных Штатах Университетом Миннесота Пресс [University of Minnesota Press] (Morin, 2005a, 2005b). Инновационная работа Морена в этой области была признана крайне полезной — как наделенная даром предвидения, так и все еще жизненно важная для дискуссии, часто тонущей в бессодержательной и ориентированной на сенсацию учености. Как пишет Лоррейн Мортимер во введении к *Кино, или Воображаемый человек* (Morin, 2005b), книга Морена была глотком свежего воздуха в 1959 году, когда большая часть дискурса о кино была крайне критична к буржуазным развлечениям, рассматривая кино как опиум для масс, продвигающий капиталистические ценности. Мортимер многозначительно напоминает о том, как социолог Пьер Бурдьё напал на исследование Мореном массовой культуры, ибо оно было «инструментом отчуждения на службе капитализма, дабы отвлечь

пролетариат от его революционной миссии» (Мортимер, 2001, с. 78). Это еще раз дает нам ощущение постоянной борьбы Морена с редукционизмом — с попыткой свести сложный феномен к одному потенциальному аспекту и манифестации — и благодаря такой борьбе избавиться от него.

В случае Бурдые, мы находим взгляд на кино, который не принимает во внимание бесконечные эмоциональные, социальные и другие сложности, какими этот опыт наделяет нас. Такая точка зрения является глубоко доктринерский, сводя огромную сложность кино — в банальной и клишированной критике Бурдые — к «инструменту отчуждения на службе капитализма, дабы отвлечь пролетариат от его революционной миссии». В конце 1950-х в *Звездах* (Morin, 2005a) Морен также был единственным мыслителем, связанным тогда с совершенно контр-культурной идеей, согласно которой культ знаменитости имеет сильный религиозный компонент (Young, 2002). Интересно, что Янг продолжает цитировать исследования, проведенные в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах, которые предполагают, что поклонение знаменитостям действительно играет роль, сходную с религиозной, и является источником новых «мифов» и мифических фигур в сегодняшнем обществе.

Морен был одним из первых академических ученых, кто серьезно отнесся к массовой культуре. Его инициированное психоанализом обсуждение внутреннего, субъективности, снов, мифов, его использование концептов проекции и интроекции, его внимание к творчеству и воображению основывались на том, сколь важно понимать массовые культурные феномены, которые имели и продолжают иметь огромное влияние на жизнь людей. Среди прочего, Морен изучил казалось бы банальные

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)